
Татьяна ОКОМЕНЮК

ПО УТОЧНЕННЫМ ДАНЫМ...

Рассказ

— Слышь, братан, не мог бы ты в субботу за меня подежурить, а? Мне во как надо, — провел ребром ладони по горлу спасатель второго класса Ванька Кордуба, обращаясь к своему сослуживцу Олегу Фомину.

— Не могу, дорогой, — развел тот руками, — теща припахала на дачу ее отвезти, я уже пообещал.

— Теща — это святое, — вздохнул расстроенный Иван. — А попросить-то мне больше и некого: Пашка к свадьбе готовится, Вертоградов — на больничном, Палыч — на курсах повышения квалификации, Юрец уволился. Пряма вилы...

— Анек в тему, — раздался в раздевалке задорный голос начинающего спасателя Женьки Рокотова, недавно влившегося в коллектив взвода военизированной горноспасательной службы МЧС. — Чтобы сэкономить на бензине, Олег отвозил тещу на дачу в субботу, а забирал ее в ноябре.

— Ха-ха-ха-ха! — грохнула раздевалка смехом.

— Кстати, вот тебе и замена, — мотнул Фомин подбородком в сторону новенького. — Молод, полон энергии, рвется в бой. А, Жень? Подежуришь в субботу за Ваньшу? За ним не заржавеет, он потом отбатрачит, а ты получишь плюстик в карму.

— Говно-вопрос! — не стал ломаться парень, мечтающий стать своим в суровом мужском коллективе. — Анек в тему: звонит тетка в Службу спасения: «Алло, помогите!!! Мой дом в дачном поселке Дубки взял и загорелся». — «Оппаньки!!! Какие люди! Лидия Прокофьевна, зятек ваш на проводе. Вы как? По-прежнему, считаете, что лучше сдохнуть, чем еще раз увидеть мою противную рожу?»

Мужчины снова разразились хохотом — настроение у всех было отличным, дежурство спокойным, грядущие выходные обещали хорошую погоду, отдохновение от забот праведных и полный дзен...

После окончания Технического пожарно-спасательного колледжа двадцатилетний Женька Рокотов попал на стажировку во взвод военизированной горноспасательной службы МЧС, базирующийся в промышленном городке Кумаринске. Там и остался

Татьяна Владимировна Окоменюк родилась в 1962 году в Днепрпетровске (Украина). Окончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Публикуется в литературных журналах Германии, Австрии, России, Беларуси, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Украины. Автор 20 книг художественной прозы, изданных в Германии, США и России. Лауреат литературных премий имени: А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Т. Твардовского, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, святого благоверного великого князя Александра Невского. Живет во Франкфурте-на-Майне.

служить по контракту. «А почему нет? Поднаберусь опыта и, имея приоритет, поступлю в Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, продвинусь по службе, женюсь, возьму в ипотеку приличную квартиру, куплю автомобиль... — оптимистично рассуждал он. — Это сейчас я — последний подползающий, живу в общежитии и на тусовку в областной центр добираюсь на автобусе. Со временем же все изменится, профессия-то уважаемая: стабильный доход, возможность получения ипотечного сертификата, полтора месяца отпуска, график работы сутки через трое, возможность подработки в свободное от дежурства время, бесплатный санаторно-курортный отдых, оплачиваемый проезд к месту отдыха и обратно... Как при таких условиях не дослужиться до спасателя международного класса? Впрочем, все это — не самое важное. Главное — ощущение причастности к ответственному делу спасения человеческих жизней».

Мать Женьки, вдова погибшего на службе пожарного, его выбор не одобряла.

— Куда тебя несет, сынок? — вздыхала она. — Зачем тебе этот ад вдали от родного дома? Ненормированный рабочий день, психологическое напряжение и риск для жизни за зарплату в тридцать тысяч рублей? Ведь это же — вызовы среди ночи, учения, тревоги, внезапные командировки, запрет на выезд за границу... Ты не будешь себе принадлежать и ничего не сможешь планировать... Неужели в жизни тебе так не хватает драйва?

— Не хватает, мам, — признался Женька. — А зарплата будет со временем повышаться, появятся надбавки за звание, выслугу, опасные условия труда, командировки в отдаленную местность. И вообще — я хочу быть, как папа. Спасатель — это не работа, это — призвание, а оно нам посылается свыше. — С тем и уехал далеко за Урал.

В Кумаринске его приняли хорошо, без издевательских шуточек и тупых приколов, сопутствующих «прописке» новичка в коллективе. Оно и понятно: Женька — парень симпатичный, компанейский, мастер спорта по кикбоксингу, КМС по армрестлингу, гитарист, шутник и балагур, всегда готовый помочь ближнему.

В тот день он заменял своего коллегу респираторщика¹ Ивана Кордубу. Заняться в выходные ему все равно было нечем: любимой девушкой и друзьями парень на новом месте пока не обзавелся. С развлечениями и культурным досугом молодежи в шахтерском моногороде было не просто плохо, а совсем никак. «Вот куплю автомобиль и буду гонять „на выгул“ в областной центр на все три выходных, хотя нет, на два», — вспомнил он напутствие командира взвода. Зачисляя Женьку на службу, тот строго предупредил, что сутки, предшествующие дежурству, предназначены не для загулов и напряженной работы, а для сна и занятий спортом, иначе от усталости можно не только подставить коллег, но и самому погибнуть. Любой «зевок» в шахте может закончиться смертью.

Впрочем, его это не касается. Какие загулы могут быть в Кумаринске? А до покупки автомобиля ему — как до китайской границы. Да, у всех ребят их взвода машины есть, так они и пашут в свои свободные дни, как заведенные. Кто занимается промышленным альпинизмом, кто работает инструктором по технике безопасности, кто подвизается на шахте каким-нибудь консультантом. А он, Женька, пока еще не освоился на местности, но это — дело наживное. Будут и у него подработки, отсутствие финансовых проблем и весь пакет жизненных благ: квартира, машина, дача, приличная техника в доме, модные шмотки.

Ход мыслей парня, занимавшегося проверкой исправности своей кислородно-дыхательной аппаратуры, прервали сигнал тревоги и голос оперативного дежурного по гром-

¹ Сотрудник военизированной горноспасательной части, подготовленный к проведению спасательных работ с применением средств защиты органов дыхания и владеющий приемами оказания первой медицинской помощи.

кой связи: «Первое и второе отделение, — на выезд!» Через две минуты спасатели уже стояли в гараже рядом со своими белыми спецмашинами, на борту которых красовался девиз: «Предотвращение, спасение, помощь».

— Классные у нас тачки! — восхитился Женька, любуясь тяжелыми автомобилями на шасси КамАЗа с эмблемой ВГСЧ на двери.

— Это еще что! — многозначительно хмыкнул респираторщик Илья Корзухин, откусывая один из шоколадных батончиков, которых у него было напихано по всем карманам. — В прошлом году я был в командировке в Якутии, так тамошние коллеги ездят на трехосных вездеходах на пневматиках низкого давления. Вот это машинки! Кабина с системой обогрева и шесть колес, каждое — размером с бегемота. Прикинь, для пневмохода любое бездорожье нипочем, как зимой, так и летом. Он может преодолевать водные преграды, не оставляет после прохода глубоких следов, безопасен при движении по тонкому льду. Нам бы такие!

— Раскатал губу! Ты не за Северным полярным кругом служишь, — скептически заметил командир отделения сержант Мамаев. — А ты, Рокотов, что там мнешь в руке? Ну-ка покажи!

Женька разжал кулак. На его ладони лежал старый оловянный солдатик в форме рядового бойца Советской армии. Фигурка была темно-серой, и только каска на голове — светлой, отполированной. Видно, игрушку часто гладили по голове.

Брови сержанта удивленно поползли вверх.

— Что это?

— Наш семейный талисман, — смутился Женька. — Сначала он был у моего деда, потом — у отца. Батя всего один раз забыл его взять с собой на работу и в тот же день погиб на пожаре, вынося из огня двух пацанят. Он у меня был огнеборцем.

— Понятно, — уважительно произнес командир отделения, возвращая Рокотову оберег. — Никогда его дома не оставляй, а то у нас на службе... всякое случается.

— Анек в тему, — зажал Женька солдатика в кулаке. — На вопрос: «Что получает горноспасатель после смерти?» — армянское радио ответило: «Три дня отпуска, а потом — опять под землю».

И снова мужчины, привыкшие ходить по лезвию бритвы, зашлись в истерическом хохоте. К смерти, которой они не единожды бросали вызов, спасатели относились не то чтобы несерьезно, но как-то отстраненно, по-философски.

— А вот еще один, — решил вставить свои пять копеек респираторщик Руслан Сябитов, который с появлением во взводе Рокотова лишился титула первого шутника и балагура. — Объявление в газете «Спасатель»: «Приглашаем молодежь на работу в МЧС. Только у нас: ненормированный рабочий день, оплата труда триста у. е. в месяц, отсутствие тринадцатой зарплаты, возможность переходить улицу на красный сигнал светофора, заплывать за буйки, стоять под стрелой, ходить по крышам без страховки, работать с открытым огнем и другие узкосоциальные льготы. Также вы получите уникальный шанс редко видеться с родными, близкими, друзьями и за максимально короткий срок сможете приобрести различные заболевания (от начальной стадии алкоголизма до глубокого маниакально-депрессивного психоза). Проверьте себя на прочность!!!»

Спасатели хохотали так, будто надышались веселящим газом. До икоты, до колик в животе. Смех оборвался, как только в дверях появился заместитель командира взвода майор Топорков с «путевкой на аварию» в руках. Он не стал делать подчиненным замечание, поскольку понимал: смех — это один из способов отогнать от себя тревогу перед неизвестностью. Что-то вроде «наркомовских ста грамм», выдаваемых бойцам Красной армии перед атакой.

— Вот что, орлы, — окинул он взглядом выстроившихся в шеренгу спасателей. — Едем в Шахтерск. На шахте «Разлогая» в вентиляционном штреке произошло задымление. Вентиляция вышла из строя. Сейчас под землей, на глубине четырехсот метров, находятся двести сорок три горняка. Наша задача — определить причину задымления, оказать первую помощь пострадавшим и вывести живых на-гора. Одним словом, все как обычно. По машинам! Ни пуха нам, ни пера!

— К черту! — выдохнули спасатели, запрыгивая в пассажирские отсеки автомобилей с оранжево-синей полосой на борту. Включились сирены, замигали проблесковые маячки, и белые КамАЗы понеслись в пекло — до Шахтинска было более сорока пяти километров.

— Очкуешь? — поинтересовался у Женьки Руслан Сябитов, остро завидовавший его чувству юмора, самоиронии и мастерской игре на гитаре.

— А что, уже пора? — погладил подушечкой большого пальца каску своего оловянного солдатика не нюхавший пороху парень,

— Вот ты, Сябит, новенького все время троллишь, а он сегодня возьмет и подвиг совершит, — лукаво улыбнулся сержант Мамаев. — Его наградят медалью, а тебя — нет. Тогда и посмеемся.

— Дай бог нашему теленку волка съест! — скривился спасатель первого класса, дайвер, водитель снегоходной техники и речных судов, бывший шире в плечах и на голову выше Рокотова.

— Анек в тему, — совсем не обиделся Женька, всегда готовый сам над собой посмеяться. — Награждают, значит, меня, отличившегося во время спасательных работ на шахте... э-э-э...

— «Разлогая», — подсказал ему спасатель второго класса Олег Белобородов.

— Точно! — поблагодарил его кивком Рокотов. — Как водится, вокруг девушки с цветами, звучат речи, пресса щелкает фотоаппаратами, телевизионщики стрекочут своими камерами. Директор шахты распинается: «...и этот замечательный парень, зная о возможности взрыва метана, не удрал из забоя, а, лежа на спине, удерживал своды галереи до тех пор, пока не были закончены восстановительные работы и сняты все временные домкраты». Я стою и скромно улыбаюсь. Корреспонденты выкрикивают: «Потрясающе! Евгений — настоящий герой! У него — открытое доброе лицо, с которого не сходит широкая улыбка!» — «Ну, улыбка — дело временное, — чешет директор лысину. — Просто коллеги-спасатели второпях установили домкрат на его подбородке».

— Га-га-га-га! — взорвался смехом автомобиль. И даже ревнивый Сябитов растянул в полуулыбке уголки своего скептически скривленного рта.

— Премия за лучший анекдот месяца! — протянул Корзухин Женьке шоколадный батончик.

Тот механически засунул его в карман брюк, поймав на себе завистливый взгляд Руслана.

— Станция Березай, кому надо — вылезай! — остановил спецмашину водитель. — Гляньте, пацаны, папарации раньше нас приехали, — кивнул он головой в сторону машины с маркировкой «Пресса». — Опять эти уроды пристроились у самого устья ствола, перегорев див дорогу!

— Куда только менты смотрят? Вон их сколько сегодня нагнали! — покачал головой Мамаев, глядя в окно. — Зевак за черту отгеснили, а то, что эти стервятники раскорячились посреди дороги, в упор не видят.

— Это, сержант, не зеваки, это — близкие оставшихся под землей горняков. Видишь, слезы вытирают? — тяжело вздохнул Белобородов. — Видно, плохи дела сегодня. Не иначе, метановоздушная смесь взорвалась.

Пока замкомвзвода получал у главного инженера предприятия информацию, необходимую для работы спасателей, последние надевали спецодежду, проверяли исправность аппаратуры, готовились к спуску в шахту.

Недалеко от них возмущались и рыдали вытесненные со двора шахты родственники потерпевших аварию.

— Сын не раз мне рассказывал, что уровень содержания газа в забое во много раз превышает допустимые показатели, поэтому руководство изнутри проклеивает датчики скотчем, — плакала седая женщина в скромном платочке. — Спаситься при такой загазованности просто нереально. Даже если прижаться к стенке, плотно прикрыв дыхательные пути, все равно выдержишь не больше пяти часов.

— Во-во! Полная безалаберность! — подхватил эстафету мужчина в шахтерской куртке. — Перед тем как приехать на «Разлогую», проверяющие всегда предупреждают местное руководство о своем визите. Иногда, чтобы создать видимость контроля, выписывают мелкие штрафы. Сами же никогда не спускаются под землю. Что им наши жизни?

— Муж давно жаловался на условия труда, говорил, что метан у них просто зашкаливает. Прибор пищит, мужики его смочат водой, он и замолкнет, — всхлипывала невысокая беременная женщина в берете, наспех натянутом на влажные волосы. — Руководство же на это безобразии никак не реагирует. Говорит: «Не нравится — увольняйтесь». Легко сказать! Попробуй найди в нашем регионе другую работу. В шахте они получают грязными тысяч пятьдесят-шестьдесят, в лаве — все семьдесят. Заработок зависит от выполнения плана, вот и не увольняются. Наши мужики для хозяев предприятия — расходный материал.

— Это точно! — поддержал ее сухонький, без конца кашляющий старичок. — Если горнорабочий уволится, ему могут выставить крупный штраф. И запись в трудовой электронной книжке сделают такую, что на другую шахту уже не устроишься, а семью-то нужно кормить. У всех же — кредиты, ипотека, алименты.

— Да что тут говорить, шахта находится в руках холдинговой компании, чей владелец — долларовый миллиардер, — развела руками пожилая интеллигентная дама в шляпке. — Еще в прошлом году обещали создать комитет по вопросам охраны труда и промышленной безопасности. И где он? Прибыль, господа, и ничего личного. Налицо — преступление без наказания.

Записав на диктофоны все произнесенное родственниками, пасшиеся в толпе журналисты заметили наконец белые машины МЧС.

— Братва, черепахи прибыли! — выкрикнул кто-то из них, и представители СМИ бросились к спасателям с неуместными в данный момент вопросами. Напрасно. Те в их сторону даже головы не повернули.

— Ну и наглые — пробы негде ставить, — возмутился Евгений. — Сначала черепахами нас обзывают, а потом тычут под нос свои диктофоны. Пусть бы сами попробовали раньше нас из Кумаринска добраться.

— Темный ты, Рокотов, как дупло! — снисходительно хохотнул Сябитов. — Мы не потому черепахи, что вечно опаздываем, а потому, что похожи на них в своем специальном снаряжении.

К моменту возвращения Топоркова все они уже стояли на старте в герметичных защитных костюмах, касках с аккумуляторным фонарем и лицевой маской. Послед-

няя соединялась гофрированной трубкой с висящим за спиной дюралюминиевым ранцем, в котором находился респиратор.

— Вот что, ребята, — нахмурился майор, — по предварительной версии, причиной аварии стал взрыв метана. По закону подлости случилось это в пересменку, когда рабочих в шахте бывает вдвое больше обычного. Из двухсот сорока трех находившихся под землей горняков ста семидесяти четырем удалось самостоятельно выбраться на поверхность. Им сильно повезло: когда произошел хлопок, электричество какое-то время еще работало, и те, кто оказался рядом с «бабой Леной»², упали на нее и выехали наверх. Остальные шестьдесят девять человек ждут сейчас нашей помощи. Будем надеяться, что еще ждут. С богом!

На разведку в штрек первое отделение спускалось с опаской. От перемены атмосферного давления закладывало уши.

— Это с непривычки, — пояснил Женьке Сябитов. — Как сказал о нашей работе один остряк: не привыкнешь — подохнешь, не подохнешь — привыкнешь.

— Оптимист, блин, — фыркнул недовольно Корзухин. — Вечно ты на новеньких жуть наводишь и каркаешь под руку...

С разведки ребята вернулись с двумя телами и двумя живыми горняками. Последние были ранены и обожжены. На них спасатели натянули свои вспомогательные респираторы. Оно и понятно: собственные портативные дыхательные устройства шахтеров, рассчитанные на один час работы, давно исчерпали свое полезное действие.

Увидев шатающихся из стороны в сторону спасателей и перепачканных угольной пылью горняков, к ним тут же бросились Топорков и четверо медиков в синих куртках с надписью «Медицина катастроф». Горняков они увезли сразу и тут же вернулись за спасателями, трое из которых уже едва держались на ногах.

— Товарищ майор, в шахте — раскаленные угольные пласты, сильная задымленность и нулевая видимость. Взрывом выбиты все шлюзы, способные остановить распространение газа. Нами обнаружены два нулевых забойщика и два живых проходчика, которые умудрились на козе³ проехать двести метров нам навстречу, — пытался удержать равновесие сержант Мамаев. — По их свидетельствам, бобик сдох⁴, верблюду⁵ тоже. Аварийный участок с людьми отрезан обрушившейся горной породой. В шахте кислорода нет, полно маргарина⁶, температура — плюс пятьдесят. Взяли пробы на треугольник взрываемости и...

Закончить он не успел: потерял сознание. Медики подхватили отравившегося оксидом углерода мужчину и вслед за Корзухиным и Белобородовым повезли к своему реанимобилею, вызывая по рации подмогу — число медицинских бригад экстренного реагирования сегодня было критически малым.

Из первого отделения в строю остались только двое: Руслан Сябитов и Женька Рокотов.

— Ну, тебя, Сябит, и оглоблей не перешибешь, а ты-то, Жека, как не скопытился? — кинулись коллеги обнимать выбравшихся из ада спасателей. — Видать, твой ангел-хранитель на перекур не отлучается.

«Это точно», — подумал парень, поглаживая оловянного солдатика у себя в кармане.

— В забое остались шестьдесят пять человек, — задумчиво произнес Топорков.

² Ленточный конвейер.

³ Вагонетка для перевозки людей и грузов.

⁴ Поломался проходческий комбайн.

⁵ Насос, работающий от сжатого воздуха.

⁶ Газы после взрыва.

— Или шестьдесят пять тел, — дрожащим голосом добавил появившийся рядом с ним заместитель директора шахты. — Бедствия подобного масштаба «Разлогая» еще не переживала. Вон уже явились Следственный комитет и губерн со свитой. Сейчас начнется адский движняк.

— И правильно начнется! — психанул майор. — Надо было провести предварительную дегазацию пласта, поставить дополнительный вентилятор на горах и снизить добычу, чтобы лава успевала проветриваться. Экономите на безопасности? Вот и доигрались.

После проверки проб, взятых первым отделением, выяснилось, что из-за высокой концентрации газа и неработающей вентиляции реальна угроза повторного взрыва. Поисковые работы решено было приостановить. Родственники потерпевших зарыдали в голос. Все понимали, что каждая уходящая минута уменьшает шансы на выживание попавших в беду шахтеров. Вскоре к спасателям явилась делегация заплаканных жен и матерей.

— Ребята, миленькие, не бросайте наших мужиков на произвол судьбы, — умоляли отчаявшиеся женщины. — Если сами не хотите, помогите спуститься в забой нам. Мы готовы голыми руками их раскапывать.

— Да разве ж мы не хотим? — всплеснул руками Игорь Самарин, командир второго отделения, на усиление которого Топорков направил Рокотова и Сябитова. — Мы — люди служивые, подчиняемся приказам начальства. Вон видите большую машину с надписью «Передвижной командный пункт МЧС»? Идите туда к майору Топоркову. Если он даст отмашку, мы тут же начнем спасательную операцию.

Родственники тут же ринулись в указанном направлении.

— Ребят, а может, все-таки попытаемся? — робко отозвался Рокотов. — Высокая вероятность — это значит, что повторный взрыв может быть, а может и не быть. Правильно? Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— А пьет водку на поминках того, кто рискует, — продолжил Сябитов. — Сказали же специалисты: вот-вот рванет. Тебе что, жить надоело?

Женька выскочил из машины и стал наматывать круги вокруг передвижного оперативного штаба. Потом остановился у его приоткрытой двери.

— А если бы ваш собственный сын был сейчас под землей, вы бы тоже так рассуждали? — звенел отчаянием возбужденный женский голос внутри штаба. — Не полезли бы его спасать?

— Полез бы. Один. Но чужих сыновей не потянул бы с собой на верную гибель, — уверенно ответил замкомвзвода.

— Так пустите туда нас. Одних. Мы и без вас откапаем наших родненьких, — зазвучал другой, более низкий, голос.

— Об этом не может быть и речи. Никто из штатских не проникнет на оцепленную территорию. Идите лучше в помещение. Там вас ждут специалисты, приехавшие для оказания психологической помощи.

Делегация возмущенно загомонила:

— На фига нам ваши психолухи! Верните наших мужей, братьев, отцов!

— Да вы понятия не имеете о сложностях работы горняков! Только и можете отсиживаться в штабе, пока наши мужики задыхаются без воздуха!

— Вы — экстренная служба или кто? Вас бы на шахтерскую адовую работу!

Майор откашлялся и совершенно севшим голосом произнес:

— В спасатели я попал именно после этой адовой работы, где трудился вместе со своим отцом. Он был ствольным подземного участка шахтных подъемов. Мы с ним работали в разные смены, поскольку кто-то должен был ухаживать за прикованной

к постели мамой. После гибели отца я дал себе слово, что, став сотрудником МЧС, сделаю все от меня зависящее для спасения моих бывших коллег. Но не ценой жизни молодых ребят, у которых тоже есть малые дети, беременные жены и престарелые родители. Уровень метана в воздухе превышает норму во много раз. Пока он не упадет до пяти процентов, рисковать людьми я не стану. Я все сказал.

— Извините... простите... это все нервы... — зашелестела делегация. — Мы все понимаем, но все же...

Когда женщины вышли из штаба, Женька решил-таки обратиться к замкомвзвода.

— Товарищ майор, а если в забой отправятся только добровольцы? В нарушение вашего приказа. Что тогда будет? — поинтересовался он.

— Если останутся живы, — задумался Топорков, — получают предупреждение о неполном служебном соответствии. Если погибнут, накажут меня.

— Есть получить неполное служебное! — щелкнул Рокотов каблуками и тут же помчался к сослуживцам.

— Мужики, майор сказал, что тот, кто ослушается его приказа и спустится в шахту, получит дисциплинарное взыскание в виде «неполного служебного», — сообщил он. — Я готов его получить. Кто-нибудь из вас пойдет со мной?

Спасатели молчали, обдумывая ситуацию.

— Братцы, ну что ж вы как неродные! — едва не плакал Женька. — Ну как можно здесь отсиживаться, когда люди видят в нас свою последнюю надежду. Как нам в глаза им смотреть? Стыдник же!

— Ну да, тебе терять нечего, — скривился Сябитов. — А у нас — семьи, дети, ипотека, карьера. И опыт. В отличие от тебя, бравого невменяшки, мы хорошо знакомы с последствиями взрыва метана.

— Ваше право, — сник Рокотов. — Тогда я пойду один.

— погоди, — поднялся с корточек спасатель первого класса старлей Максим Приходько. — Я пойду с тобой. Бог не выдаст, свинья не съест.

— Тогда и я с вами! — надел на голову каску респираторщик Жора Горадзе. — Сердце кровью обливается, когда смотрю на этих бабонек. Выговором больше, выговором меньше — без разницы.

И отчаянная тройка потопала к шахтному стволу.

— Вернитесь, пацаны! Не чудите, — крикнул им в спину замкомвзвода.

Женька оглянулся, хотел что-то ответить, но, увидев, что Топорков исподтишка осеняет их крестным знаменем, не стал этого делать. К горлу подкатил ком. В памяти всплыли чьи-то стихотворные строки:

Я верю: избежим мы лиха,
Болезней, смерти, многих бед,
Пока есть тот, который тихо,
Нас незаметно крестит вслед.

Вспомнил, и на душе стало спокойнее. Женька прекрасно понимал, что наверх он может уже не подняться. Что если метан рванет, полетят клочки по закоулочкам — даже хоронить матушке будет нечего. Он знал, что подобные мысли роятся сейчас и в головах у обоих его коллег, а потому решил отвлечь их привычным ему способом.

— Анекдот в тему, мужики: «Алло, это Служба спасения?» — «Она самая. Что у вас случилось?» — «Ради бога, помогите мне отсюда выбраться». — «А где вы находитесь?» — «В ТикТок(е)».

— Не смешно! — фыркнул сосредоточенный Максим.

— А этот? — не отставал Рокотов. — Редакция газеты «Спасатель МЧС России», отвечая на многочисленные вопросы читателей, официально уведомляет: «В опубликованном в прошлом номере газеты предложении: „Горноспасатели Максим Приходько, Георгий Горадзе и Евгений Рокотов несколько дней не могли выйти из забоя“ — все слова напечатаны правильно».

Жорка хихикнул, а Макс по-прежнему был серьезен и напряжен.

— Вот на фига каркать? — буркнул он недовольно. — Не хватало еще нам тут застрять.

Спустившись в «преисподнюю», спасатели долго шли по задымленному треку, затем нырнули под берму⁷ и поползли по забояю. Было очень жарко и, что греха таить, страшно. Видимость — нулевая. Наклонные шахтовые выработки уходят глубоко в недра, поэтому часть пути была предельно сложной — в гору. К тому же амуниция спасателей весит около пятнадцати килограммов, а закрепляющие маску резиновые хомуты немилосердно сдавливают голову.

Наконец группа добралась до завала. Лезть напрямую было нельзя: могло произойти новое обрушение породы, которое похоронило бы всех. Приняли решение идти обходным путем, сделав просек размером сто двадцать на девяносто сантиметров. Преодолев ползком около пятидесяти метров рукотворного лаза, спасатели нашли тела десятерых горняков, разбросанные в метре-двух друг от друга. Пройдя на путевой штрек, они обнаружили еще двенадцать тел.

— Все нулевые, — выдохнул Горадзе, поправляя на каске фонарь-коногонку. — Будем эвакуировать?

— Им уже торопиться некуда, — отозвался старлей Приходько, старший по званию в этом микроотряде. — Где-то находятся еще сорок два человека. Они могут быть живы, будем их искать.

И потопали — вверх, вверх, вверх. Вскоре настойчивость отважной троицы была вознаграждена. С трудом открыв железную дверь в стене, плотно сбитой из шлакоблоков, ребята обнаружили двенадцать живых горняков. Ослабленных, обезвоженных, раненых. У кого-то были переломы конечностей, у кого-то — сотрясение мозга, кому-то посекло углем глаза, кто-то получил многочисленные ушибы...

— Спа-са-те-ли, — едва слышно прохрипел кто-то из них. — Я же говорил, что нас обязательно найдут, а вы не верили...

— Как же вам удалось уцелеть? — поинтересовался у них Жора. — На вашем горизонте все разнесло на атомы. Одна пыль осталась.

— Так это... дальняя сбойка нас защитила, — пояснил пожилой горняк. — На удивление прочной оказалась — добросовестно была сделана.

— И сразу железная дверь захлопнулась, не дав к нам хлынуть потоку газа, — добавил молодой проходчик, держась руками за разбитую голову.

— Дело совсем не в двери! — прохрипел уже знакомый голос. — Просто тут рядом проходит воздухоподающий ствол. Вот и выдуло вокруг нас всю углекись. Там уклон идет, и свежая струя с него омывает эту выработку.

Спасатели оказали пострадавшим первую медицинскую помощь и стали их готовить к эвакуации.

— Подъем, мужики! — скомандовал Максим шахтерам. — Будем выбираться. Надеваем самоспасатели.

Нашупав свои кислородные трубки, мужчины с трудом поднялись на ноги.

⁷ Вспомогательная горная выработка.

— Осталось еще двадцать девять человек, — ни к кому не обращаясь, пробубнил Жора Горадзе. — Где они могут быть?

— Мы за ними вернемся! Нужно сначала вывести этих, — пообещал Приходько, кивнув подбородком в сторону чудом уцелевших мужчин.

Задача эта оказалась весьма непростой. Особенно марш-бросок по тесному лазу вместе с обессиленными людьми. Передвигаться по шахте, с ее бесконечными поворотами, изменениями высот и риском обрушения породы, было невероятно сложно. Время от времени приходилось делать привал: четверо из двенадцати шахтеров самостоятельно идти не могли.

«Главное — дотащить раненых до уклона, который ведет к первым вентиляционным воротам, — стучало в мозгу Рокотова, — а там и до клетцевого ствола⁸ рукой подать».

Наконец, уже практически на автомате, отряд добрался до околоствольного двора с проводным телефоном.

Старлей позвонил в диспетчерскую и попросил отправить им вниз клеть и питьевую воду. Пять минут с «горизонта четыреста» они поднимались вверх и все пять минут жадно хлебали воду из двухлитровых пластиковых бутылок.

Когда мужчины выбрались на поверхность, на улице уже было темно. Двор освещали мощные прожекторы, размещенные на крышах эмчээсовских спецавтомобилей. У пропускного пункта скопились десятки машин «скорой помощи». Люди, собравшиеся у служебного транспорта, стали аплодировать героям-спасателям и двенадцати выжившим горнякам, черным, хрипящим, едва дышащим.

Родственники последних со всех ног ринулись к ним, невзирая на окрики медиков и полицейских. Защелкали фотовспышки, включились телекамеры, зататорили радио- и телекомментаторы. Медики стали увозить пострадавших в больницу.

Растроганный Топорков обнял ребят.

— Спасибо вам, сынки!

— За что? — искренне удивились те.

— За то, что выжили, — произнес тот срывающимся от волнения голосом. — За то, что рискнули собой и спасли людей.

— Это — наша работа! — синхронно ответили все трое.

— Тогда докладывайте!

— Товарищ майор, — стал по стойке «смирно» Максим Приходько. — Обстановка, по-прежнему, взрывоопасна. Концентрация метана в забое превышает семь процентов, окись углерода — двадцать пять процентов. Кроме двенадцати живых счастличиков, мы обнаружили двадцать двух «нулевых». Таким образом, на этот момент остается неизвестной судьба двадцати девяти горняков. И... разрешите обратиться?

Замкомвзвода молча кивнул.

— А почему мы не знаем, где они находятся? В лампы же на касках встроены маячки, которые каждые две секунды должны подавать сигнал для определения локации каждого из них.

— Ну да, ты один у нас такой умный. Остальные погулять вышли, — вздохнул Топорков. — Сила взрывной волны была такой, что сорвало все стационарные средства связи. Приборы молчат, сигналы не поступают. Так что придется нам все делать вслепую. Потом. А сейчас отдыхайте. На сегодня с вас хватит приключений. Особенно с Рокотова, сделавшего два захода в душегубку. На твоём личном счету, Евгений, уже и так — два плюс двенадцать.

⁸ Шахта пассажирского скоростного лифта.

— Никак нет, товарищ майор! — возразил тот. — Мы сейчас немного передохнем, выпьем горячего чаю и попытаемся найти недостающих. Если с этими двенадцатью случилось чудо, может, и остальным повезет.

— Я этого не слышал! Шагом марш в автобус! — нахохлился замкомвзвода. — Нельзя испытывать судьбу бесконечно.

— Так точно! Вы ничего не слышали. Мы же готовы получить «неполное служебное». Да, ребята? — обратился парень к коллегам.

— Так точно! — выпалили те дулетом.

Немного передохнув, спасатели поменяли дыхательные аппараты и снова полезли в штрек. К ним присоединился четвертый — командир второго отделения Игорь Самарин. Не мог он больше сидеть в автобусе, в то время как его подчиненные рискуют жизнью.

— Не найдем живых, принесем мертвых, — пообещал он бросившимся к ним родственникам, воспрянувших духом после возвращения из забоя двенадцати человек.

Спасатели взяли с собой носилки, лопаты для разбора завалов, кайло и лом — не исключено, что пропавшие без вести находятся как раз под тем завалом, который они обогнули, сделав просек.

Первым шел Рокотов. В одной руке он нес двустороннюю кирку, которую горняки называют «корчагиным». В другой — лом, именуемый ими «поддырой». Следом с разборными горноспасательными носилками шагали Горадзе и Приходько. Замыкал процессию нагруженный лопатами командир второго отделения Самарин, который напевал себе что-то под нос. Парни прислушались.

Душа горит. Душа в огне.
Душа у горла.
Друзья, не плачьте обо мне.
Живите долго⁹, —

фальшиво выводил Игорь.

— Ничего ж себе тематика! — не выдержал суеверный Приходько. — Кончай с этим минором — накличешь беду.

Не верящий ни в Бога, ни в черта Самарин лишь презрительно фыркнул. Его всегда бесили разговоры коллег о том, что следует вернуться домой, если по дороге на работу встретишь женщину в белом платье. Что нельзя говорить «последнее дежурство», только — «крайнее». Что не рекомендуется сидеть и уж тем более лежать на носилках — на них и вынесут. Что не стоит возвращаться, если что-то забыл дома. Суеверность он считал чем-то сродни недоразвитости, поэтому и разозлился на старлея.

— Анекдот хотите? — кинулся разряжать обстановку миротворец Женька.

— Хотим, — ответили хором Горадзе и Самарин. Приходько промолчал. С юмором у него было не очень.

— На открытии новой шахты по традиции туда первой бросили кошку. Она-то, выбираясь наверх, и нацарапала первые три тонны угля.

— Ха-ха-ха-ха! — затряслись от смеха Жорка с Игорем. — Прикольно!

Приходько, по обычаю, промолчал.

— А вы в курсе, мужики, что когда-то горняки брали с собой в забой клетку с канарейкой? — поинтересовался Жора, опасливо поглядывая на свой газоанализатор. — Пока слышалось пение птицы, они спокойно работали — значит, в шахте нет гремучего газа. Если же канарейка замолкала, они срочно поднимались наверх.

⁹ Автор Лири Абдуллина.

— Конечно, в курсе! — хохотнул Самарин. — Я даже в курсе, что сегодня вместо канарейки они берут с собой чифирь и в потенциально опасных туннелях смачивают им язык. Если горький на вкус напиток становится сладковатым и начинает отдавать металлом, это — верный знак повышенной концентрации метана.

Группа уже преодолела часть пути, как вдали что-то хлопнуло и вспыхнуло. Женьку тут же опрокинуло на спину и приложило головой о раскаленный угольный пласт...

Когда он очнулся, то не сразу понял, где находится. Все вокруг было затянуто дымом. Темно так, что не видно даже пальцев на руке. И тишина. Гробовая. «А вдруг меня контузило? — напрягся парень. — Вдруг я ослеп и оглох?»

Первым делом Рокотов ощупал голову — крови не было. Каски на голове — тоже. Не обнаружил он и часов на левой руке. Но часы-то ладно, неведомая сила сорвала на последней три ногтя. Аккуратно сорвала — пальцы жгли, но не кровоточили.

«Так что же здесь все-таки происходит? Я что, на учениях? — никак не мог сообщить Женька. — Ну да, на них, родимых. А где ж еще, если я — в герметичном защитном костюме и дышу через респиратор. Стало быть, это — испытательный полигон, моделирующий угольную шахту — закрытую бетонным саркофагом стометровую учебную трубу. Сейчас мы отрабатываем тактику применения спасательного оснащения в экстремальных условиях. Только... где все ребята и где инструктор по профессиональной подготовке? Ничего не понимаю. А может, я сплю и весь этот ужас мне просто снится?»

Рокотов встал на четвереньки, начал ощупывать землю под ногами. Вскоре он нашел кайло и свою искореженную каску без фонаря. Крепления на ней были дико растянуты, будто какое-то чудовище огромной силы содрало ее своей лапой с его головы. Сильная боль в висках свидетельствовала о том, что его предположения были недалеки от истины. «Береженого Бог бережет! — мысленно произнес Рокотов, нахлобучивая каску. — Кто знает, какие сюрпризы готовит мне этот задымленный туннель? Может, я, как кэрролловская Алиса, провалился в кроличью нору и скоро стану участником необыкновенных приключений».

Спустя какое-то время Женька дополз до перегородившей дорогу кучи. Ему показалось, что под ней сверкает какой-то огонек. Он стал разгребать ее и нащупал чью-то ногу.

В кровь парня выплеснулась целая волна адреналина, и он сразу вспомнил, что у него в подмышке есть индивидуальная аптечка. Рокотов обработал пальцы перекистью водорода и, забинтовав их, продолжил освобождать от угольной крошки найденное тело.

Последнее оказалось трупом Жоры Горадзе. Он был в защитной каске с включенным фонарем-коногонкой, который и поблескивал из-под завала.

От нервного напряжения у Рокотова закружилась голова, а сердце заколотилось о грудную клетку так, словно намеревалось выбить решетку из его ребер. Он вспомнил все! И как они вчетвером шли по нескончаемо длинному подземному коридору, и как Самарин пел: «Друзья, не плачьте обо мне. Живите долго», и как он, Женька, рассказывал коллегам анекдот о кошке-рекордсменке, и как Жорка пытался всех удивить информацией о канарейках.

«Значит, все-таки произошел повторный взрыв, — стал доходить до парня весь ужас произошедшего. — Ребята погибли, а я каким-то чудом остался жить». Он засунул руку в карман, достал оттуда оловянного солдатика, поцеловал его в каску.

— Выходит, ты и впрямь на перекур не уходишь. Хотя... если я все-таки попал в эту задницу... — вздохнул молодой человек. — Вот у Кордубы действительно неку-

рящий ангел, «припахавший Ваньку везти его на дачу». Иван же, счастливчик, даже не догадывается, что своей жизнью обязан «любимой» теще.

Женька надел на голову каску Георгия, чей фонарь оказался единственным источником света в этом темном царстве, вытащил его труп из кучи угля. Снял с него рюкзак с дыхательной аппаратурой и подсумок с индивидуальной аптечкой, достал из Жоркиного кармана карболитовую коробочку СМП-10.

Рокотов взглянул на светящуюся шкалу прибора, и у него под каской волосы встали дыбом: метана в воздухе было семь с половиной процента. Достаточно сделать два-три вдоха — и мгновенная потеря сознания. Не будь на нем сейчас респиратора, это — все.

«Кислородной аппаратуры хватает часа на четыре, если, конечно, сидеть спокойно, дожидаясь подмоги. Если же активно двигаться, то часа на два, — рассуждал Евгений. — Подмоги, ясен пень, не будет. Стало быть, надо идти. У меня — два респиратора с уже израсходованной частью газа. Значит, времени в запасе — около пяти часов. Если, конечно, я не найду сейчас тел Самарина и Приходько. С четырьмя аппаратами мои шансы на выживание несколько повысятся. Да и запасная коногонка мне не помешает — без нее не преодолеть километры подземки с ее многочисленными уклонами и подъемами».

Женька закрыл Георгию глаза, положил его тело в обнаруженную в стене нишу. Затем взял кайло и в надежде найти тела Игоря и Максима стал разгрести завал из огромных влажных кусков угля вперемешку с твердой негорючей породой.

Вскоре парень понял, что от внешнего мира он отрезан не менее чем тонной рухнувшего угля. Значит, назад пути уже нет. Оставалось двигаться только вперед, причем, вверх, что сильно усложняло задачу, ведь шел Рокотов не налегке. Кроме собственного снаряжения, у него еще были кайло, рюкзак Горадзе, его фляга, до половины заполненная водой, подсумок с медикаментами и брезентовый мешок со складными горноспасательными носилками, которые до взрыва нес Георгий. Последние могли Женьке очень пригодиться, ведь в комплект, кроме самих носилок, входили спасательное изотермическое покрывало, двадцать пять метров бечевы с карабинами, предохранительный пояс, комплект иммобилизационных шин, ножницы и диэлектрические перчатки, которые он сразу же надел на руки, чтобы защитить пальцы.

Мандраж постепенно прошел, нервное напряжение сменилось ватной усталостью, и Женька стал проваливаться в сон... «Не спать, только не спать! — тормозил он себя. — Надо двигаться вперед. Если за ближайшие пару часов я успею дойти до того места, где мы нашли погибших горняков, у меня появится шанс воспользоваться их самоспасателями и прожить лишние двенадцать часов».

Настроив себя на позитив, Евгений стал подниматься вверх. Он не торопился, ибо знал: при высокой температуре с тяжелым грузом двигаться нужно спокойно и размеренно, иначе можно сорвать дыхание и сжечь гортань. Дышать через респиратор было тяжело: воздух поступал сухой и горячий. Парень жадно отхлебнул из Жоркиной фляги пару глотков воды. Хотелось больше, но нужно было экономить. Кто знает, сколько времени придется провести в этом аду. Где-то на отрезке пути от завала до воздухоподающего ствола в прошлый раз ему на глаза попался пожарный гидрант, но есть ли он там сейчас? При взрыве потоки воздуха превращают замкнутые подземные лавы в аэродинамическую трубу, и ударная волна может снести на своем пути все, включая гидрант. Оставалось только надеяться на удачу.

Поднимаясь по уклону в гору, Рокотов почувствовал, что теряет силы. Было сыро, душно и жарко. Респиратор запутался в шнуре коногонки, каска все время спол-

¹⁰ Сигнализатор метана постоянный.

зала, пот заливал глаза, ноги наливались свинцом. Появилось головокружение, участилось дыхание, а одышка ведет к повышенному потреблению кислорода. Последнее означает, что за короткое время он, Женька, может «съесть» весь оставшийся воздух из своего аппарата.

Выбравшись на горку, молодой человек остановился, выдохнул, присел на свой мешок с носилками. Перед глазами захлопали крылышками мелкие белые мотыльки. Их было настолько много, что он даже испугался. «Надо закапать глаза», — решил Рокотов, доставая из своей аптечки капли альбуцида. Не помогло. «Значит, это — реакция организма на нехватку кислорода. Видимо, мой респиратор приказал долго жить».

Теряя сознание, Евгений успел натянуть на себя Жоркин дыхательный аппарат и отключить налобный фонарь. Мотыльки тотчас исчезли, и на их месте появилось... мамино лицо на дисплее его телефона.

— Как твоя служба, сынок? — интересовалась она. — Сильно тяжело?

— Я же вчера тебе об этом рассказывал, мамуль. Все у меня норм: чай с мужиками гоняем, песни поем под мою гитару, на тренажерах качаемся, играем в баскетбол, изучаем горноспасательное оборудование. Периодически у нас бывают выезды на контрольно-тактические учения. Ерунда, короче. Тут главное — суметь десять раз подтянуться на перекладине, пятьдесят пять раз отжаться от пола и пробежать кросс на один километр за три минуты пятьдесят секунд...

Очнувшись в полной тишине и темноте, Рокотов включил коногонку и обнаружил себя лежащим в черном каменном мешке. Над головой угрожающе нависал тяжелый угольный массив.

«Значит, разговор с мамой мне просто привиделся, — разочарованно подумал он. — Интересно, сколько я здесь провалялся и сколько кислорода осталось у меня в аппарате?»

Женька поднялся на ноги. Его шатало. Дико хотелось есть и пить. А еще мечталось постоять немного под струей теплого душа, чтобы смыть с себя пот и угольную пыль.

Он собрался с силами и, опираясь на кирку, направился вперед. Вскоре понял, что уже не в состоянии тащить на себе такой груз. Но бросить столь нужные в экстремальной ситуации вещи было бы легкомыслием. Кто знает, что может понадобиться ему в самое ближайшее время. С помощью спасательного изотермического покрытия и бечевы с карабинами он сделал мешок-волокушу, сложил туда весь свой скарб, продел руки в веревочные петли, закрепив их на спине карабинами, и, подобно бурлаку, поволок поклажу за собой.

Спустя какое-то время Рокотов решил сделать передышку. Сев на свой мешок, он облокотился о стенку, и на него откуда-то сверху посыпался горячий скользкий уголь. Парень отскочил к центру коридора, мысленно поблагодарив свой талисман за то, что не обвалилась вся кровля. Он лег на землю, положив под голову свой мешок, и вдруг услышал какие-то странные звуки. Сначала где-то очень далеко что-то загрохотало, потом, уже ближе, послышались не то скрипы, не то шорохи.

«А ведь это поскрипывают тонны породы, от которых меня отделяет лишь железная арматура бортов и потолка, — бросило Женьку в жар. — И эта арматура — просто листочек бумаги, который чудом сдерживает нависающие надо мной тонны угля. Идти в ту сторону, где только что прогремело, опасно. Скорее всего, наверху признали, что возможности найти нашу четверку живой уже нет, и дали отмашку для бурения дегазационных скважин. Через последние будет закачиваться инертная пена для снижения концентрации газов и охлаждения горных выработок. Что это для меня означает? С одной стороны, это плюс: можно будет дышать без респиратора.

С другой — минус: от сотрясения породы в любой момент может рухнуть угольная скала, и от меня не останется даже мокрого места».

Сверху снова что-то зашуршало. В голове у парня ледяными струйками забились панические мысли. Так страшно ему еще никогда не было. Он выключил фонарь, засунул руку в карман, погладил по голове своего оловянного солдатика. Перед глазами снова захлопали крылышками тучи белых мотыльков. Их сменило лицо председателя приемной комиссии Технического пожарно-спасательного колледжа подполковника Зубова, который на его, Женькино, «Ого, какие требования!» снисходительно хмыкнул: «А ты как думал? Спасатель — это профессия, не терпящая случайных людей. Кого попало в МЧС не берут. У нас нечего делать судимым, пьющим, психически нездоровым, маломощным хлипакам, нервным и излишне впечатлительным. Так что подумай хорошо, действительно ли ты хочешь постоянно сталкиваться с людским горем, разбирать места катастроф, искать выживших людей. Далеко не каждый способен справиться с такой психологической нагрузкой». — «Я справлюсь!» — уверенно произнес он тогда. А может, надо было послушать маму и стать филологом? Я ведь так люблю литературу...»

В реальность Евгения вернуло зверское чувство голода. Похлопав себя по карманам, он обнаружил в одном из них шоколадный батончик, которым его премировал сластена Корзухин. «Надо же, а я о нем совершенно забыл! — обрадовался парень, запихивая находку в рот. — Дай тебе бог здоровья, Илюха! Если выживу, куплю тебе целый ящик этих батончиков. А я выживу!».

Рокотов включил коногонку, осмотрелся вокруг, прислушался. Не было ни мотыльков, ни посторонних звуков. Нужно было идти вперед, пока не разрядился фонарь. Руки сами потянулись к фляге, и он сделал еще два глотка. Живительной влаги оставалось всего ничего. «Даст бог, доберусь до гидранта, тогда уж и напьюсь от пуза, и умоюсь, и заполню флягу, — утешал себя молодой человек. — Главное — не паниковать, решать проблемы по мере их поступления и использовать приемы психологической саморегуляции».

Потеряв счет времени, Женька не знал, как долго он шел. Ему казалось, что с момента спуска под землю их четверки прошла целая вечность. Если же судить по уже слабеющему свету фонаря, то часа три, не больше. В страхе, что коногонка сейчас окончательно погаснет, Рокотов ее отключил, попытавшись двигаться без света. Вначале ему это удавалось, потом он стал наткываться на преграждающие дорогу небольшие кучи угля и, наконец, уперся в завал, обойти который не представлялось возможным.

Парень нервно сглотнул, сбросил с плеч свою лямку, включил фонарь, попытался поковырять киркой гигантскую кучу. Напрасно. Многотонный завал наглухо заблокировал его продвижение вперед. Так же, как предыдущий — дорогу назад. «А ведь я — в мышеловке! — пронеслась в мозгу пугающая мысль. — Ну, и где ты, мой ангел-хранитель? Ушел-таки на перекур? И как мне теперь быть?»

Ангел молчал. Видно, был здорово озадачен сложившейся ситуацией. Женька присел на корточки, упершись своим дюралюминиевым рюкзаком в угольную кучу, попытался успокоиться. Он знал: если страх окажется сильнее его — это крышка! Значит, нужно какое-то время пересидеть, а еще лучше переспать. Утро вечера мудренее. Хорошо отдохнув, он обязательно что-нибудь придумает. Не может не придумать! Он умный, находчивый и... везучий. Во всяком случае, был таковым до недавнего времени.

Рокотов отключил издыхающий фонарь, закрыл глаза и, засыпая, увидел свое отражение в зеркале в тот момент, когда впервые облачился в форму сотрудника МЧС.

Как же его тогда распирало от гордости! До чего же он был хорош в костюмчике темно-синего цвета: курточке на молнии с нашивками «МЧС России», Государственным флагом страны и собственной фамилией с инициалами на клапане левого кармана. Правду говорят, что военная форма украшает любого мужчину, даже косоногого и отчаянно неспортивного...

Проснулся Женька от внезапно озарившей его мысли, что находится он сейчас на месте первого встреченного их тройкой завала. Того самого, который они обогнули и недалеко от него сделали просек. Значит, нужно найти этот лаз, проползти по нему метров пятьдесят, а там уже — и воздух, и гидрант с водой, и свет коногонки, принадлежавшей кому-то из погибших горняков.

Молодой человек не ошибся: вскоре он и в самом деле обнаружил просек. «Стало быть, мой ангел-хранитель вернулся с перекура, — мысленно перекрестился Рокотов, смазывая губы оставшимися у него каплями воды. — Очень вовремя — фонарь вот-вот сдохнет, а без него фиг найдешь выход. Я же не летучая мышь».

Встав на четвереньки, Евгений пополз вперед, волоча за собой мешок с инструментами. Метров через двадцать остановился передохнуть. И вдруг что-то сверху ударило. «Упал кусок породы, — догадался парень. — Не дай бог...» Додумать свою мысль он не успел — обрушилась кровля. Страх лизнул Рокотова холодным языком вдоль позвоночника, и он отключился.

Когда Женька пришел в себя, то сразу понял: с правой ногой что-то не так — он ее просто не чувствовал. Правое плечо тоже ныло, но это было нормально: ушиб — боль. А вот онемение — совсем другое дело. Когда боль придет, она уже не позволит зафиксировать место повреждения, нужно немедленно выбираться из-под завала.

Парень дернулся вперед, пытаясь выпрямить ногу, но та не сдвинулась с места ни на сантиметр — была чем-то зажата. «Вот так номер! Неужели моя тушка здесь так и останется? — испугался Евгений. — Только спокойствие. Дышать ровно и глубоко. Все будет в порядке».

Но порядок не наступал. Ни одна из попыток выдернуть конечность из клещей завала не увенчалась успехом. Рокотов собрался с силами и, глубоко вдохнув, сделал очередной рывок. Острая боль пронзила все тело, и он в очередной раз потерял сознание.

В себя Евгений пришел в полной темноте — коногонка уже разрядилась, и от перспективы все дальнейшее время барахтаться в потемках у него аж мороз пошел по коже. «Ну, и что теперь делать? — мысленно обратился он к своему талисману, немеющей рукой глядя его по голове. — Идти я теперь уже вряд ли смогу, хотя... в моей аптечке есть три ампулы кеторола, а в мешке с носилками — несколько иммобилизационных шин. Надо начинать спасать ногу. Я — спасатель или кто?»

Превозмогая дикую боль, Женька попытался двинуться вперед. Не вышло: просек был засыпан обвалившимся углем. «Значит, надо делать новый, — решил он. — Вариантов-то все равно нет».

Молодой человек с трудом дотянулся до кирки и, привстав на левое колено, стал мало-помалу разгребать породу. Дышать было тяжело, глаза никак не могли привыкнуть к кромешной тьме. Минуты ему казались часами, часы — сутками. Были моменты слабости, когда хотелось все бросить и навеки уснуть, но тут же в памяти всплывали строки Джеймса Олдриджа из рассказа «Последний дюйм»: «Упорство обеспечивает тебя неким запасом сил, когда ты веришь в окончание того, что задумал», и парень продолжал бороться за свою жизнь.

Выбравшись наконец из-под завала и вытащив из-под него свой мешок со скарбом, Рокотов достал из аптечки шприц и ампулу кеторола, сделал себе обезболива-

ющий укол. Когда почувствовал, что боль отпускает, выпрямил ногу и наложил на нее шину. «Ну, вот, Евгений Сергеевич, а ты уже думал, что тебе пришел конец, — мысленно сказал он себе. — Не-е-ет! Мы еще повоюем. Тут где-то недалеко есть выход на путевой штрек, а там уже — и пожарный гидрант. Только как его найти в этом темном подземном лабиринте?»

Женька попытался подняться с четверенек — не вышло: правая нога сильно опухла, и ею невозможно было ступить. «Тогда буду ползти, — сказал он себе. — По-любому нужно двигаться вперед». Парень подтянул к себе мешок, положил в него кирку и пополз в направлении того места, где в прошлый раз лежали тела погибших горняков.

Вскоре он нашупал одно из них, потом второе, а затем и остальные восемь. На головах четырех из них касок не было совсем. На следующих двух — были, но без фонарей. Видимо, их сорвало взрывной волной. Еще на двух касках коногонки не работали. И только на двух зажегся свет.

Рокотов издал клич триумфатора, ведь без освещения в незнакомой выработке он бы непременно заблудился. К тому же у семи из десяти погибших были с собой работающие самоспасатели, а это — семь часов жизни. А еще на руках некоторых тел были часы, малая стрелка которых указывала на четверку, а большая — на двенадцать. «Стало быть, сейчас — четыре, — подумал Евгений. — Интересно, утра или вечера. И вообще, какой сегодня день? Суббота или воскресенье? А может, уже понедельник?»

По ощущениям парня, потерявшего счет времени, прошло уже дней десять, но этого просто не могло быть, иначе батареи фонарей давно бы разрядились. «Значит, дня два, не больше, — определился он. — Всего два, а я уже смертельно устал».

Женька и в самом деле чувствовал себя скверно: у него дико болела нога, трещала голова, в глазах рябило так, будто в них попали электросварочные искры. «Дают себя знать жажда, голод и отсутствие нормального воздуха, — решил он. — С этим нужно что-то делать, иначе я не смогу продолжить путь».

Парень засунул руку в карман, погладил по голове солдата в надежде, что тот подскажет ему выход из незавидного положения. И тот подсказал.

«Возможно, у горняков в карманах есть что-нибудь съедобное», — прозвучало у Рокотова в голове, и он бросился к телам, чтобы проверить эту версию.

Прощупав карманы погибших, молодой человек разжился лишь пачкой гематогена с семечками, двумя вафлями и одним большим яблоком. Последнее он проглотил сразу же — так сильно хотелось пить. Остальное не вызвало у него особой радости. Женька рассчитывал найти тормозок¹¹ с обычным шахтерским перекусом: бутербродами с салом, вареными яйцами и картофелинами, какой-нибудь выпечкой, но, увы...

«На безрыбье и рак рыба», — вздохнул спасатель, разглядывая надписи на упаковке гематогена: «Изготовлен на сгущенном молоке. Рекомендуются в пищу как дополнительный источник железа. Полезен для иммунной и нервной систем в период физических и эмоциональных нагрузок».

«Актуальненько, — хмыкнул парень, распаковывая батончик. — „Вороне где-то бог послал кусочек сыра...“ А ведь мог бы и в самом деле послать что-то стоящее, хотя... и на том спасибо».

Он перевел взгляд на лежащие на земле тела горняков, которых ему так хотелось спасти. В глазах Евгения блеснули слезы: «Простите меня, мужики, за то, что не успел вам помочь. За то, что сижу сейчас рядом с вашими телами и поедаю ваши продукты. Не считите меня мародером. Вам они уже не пригодятся, а я благодаря им попытаюсь выжить».

¹¹ Набор продуктов, которые горняки берут с собой на работу.

Женька смахнул с ресниц слезу, с трудом поднялся на ноги и, опираясь на «корчагина», похромал искать гидрант. Каждый шаг причинял ему нестерпимую боль. Пришлось сделать еще один укол.

Наконец гидрант нашелся, но воды в нем не оказалось. Совсем. Рокотов был потрясен до глубины души и едва не закричал от досады, понимая, что «без воды — и не туды, и не сюды».

«Зря я заточил все яблоко в один присест, — корил себя Евгений, — ведь мог же разделить его хотя бы на две части! Одно хорошо: дорога по путевому штрэку не поднимается вверх, и можно без напряга брести по тоннелю, волоча за собой мешок с инструментами».

Пройдя какое-то количество метров, Рокотов почувствовал, что совершенно выбился из сил. Перед глазами снова замелькали белые мотыльки, и он понял: кислород в Жоркином аппарате заканчивается — пора делать привал и менять издохший респиратор на один из имеющихся в запасе самоспасателей. Парень сел на землю, опершись рюкзаком о горячую стену, достал из кармана вафлю, отломил половину и стал есть. Поужинав, выключил фонарь и закрыл глаза.

Мотыльки тут же исчезли. Их сменило лицо молодого отца, читающего маленькому Женьке его любимую сказку «Стойкий оловянный солдатик»: «Ружье — на плече, смотрит прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный — красный с синим! Он был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твердо, как остальные на двух...» Как же он плакал, когда узнал, что его любимого сказочного героя глупый мальчишка швырнул в печку и тот расплавился, превратившись в кусочек олова в форме сердца. Как же хотел, хоть немного, быть на него похожим!

И вот спустя много лет и он, Женька, в синем с красным защитном костюме, передвигается по подземному лабиринту на одной ноге и так же, как андерсеновский солдатик, плавится в горной выработке от высокой температуры. «Еще немного, и я тоже превращусь в черный обгорелый комочек», — с горечью подумал он, засыпая. Парень настолько устал, что отключился, так и не поменяв свой респиратор на свежий самоспасатель.

Проснулся Рокотов от боли в ноге. Включив коногонку, сразу заметил, что угольная пыль, которая все время висела в воздухе, почти рассеялась. Значит, откуда-то пробилась свежая кислородная струя. Решив проверить свою догадку, Женька подбросил вверх горсть пыли, и ее потянуло куда-то вправо. Да и стена за его спиной была уже не такой горячей, как раньше. Выходит, шахту сейчас проветривают.

Чтобы убедиться в этом, парень вытащил изо рта трубку респиратора и осторожно вдохнул. Легкие наполнились относительно чистым воздухом. Он сбросил с себя на землю изрядно поднадоевший дюралюминиевый ранец и на радостях прикончил оставшуюся вафлю. Затем сделал себе последний обезболивающий укол и, продев руки в петли своего самодельного вещмешка, двинулся вслед за свежей струей.

Поток воздуха вывел Евгения в штольню и поманил по уклону наверх. «Не иначе, у этой выработки есть выход на поверхность, — сообразил он. — Именно оттуда и идет накачка воздуха. Господи, дай силы мне, крещеному атеисту, выбраться отсюда, и я поверю в твое существование».

Рокотов упорно двигался наверх, время от времени останавливаясь и делая передышки. «Начинал я свой подъем с „горизонта четырехста“. А сейчас я на каком? И сколько еще осталось? — вопрошал он мифического Горного Хозяина, который, по преданию, живет в шахте, помогая достойным горнякам и наказывая плохих. — Дорого бы я отдал за то, чтобы получить ответ на последний вопрос».

То ли от усталости, то ли от жажды, то ли от боли в ноге сознание Евгения начало мутиться. Он четко видел перед собой огромного седобородого старца, одетого в черную рубаху. Последний опережал Женьку на пару шагов и что-то ворчал себе под нос.

Рокотов прислушался.

— Молись, пацан! Молитва тебе поможет! Если ты не веришь в Бога, это еще не значит, что Бог не верит в тебя, — бормотал старик жутким гортанным голосом.

— Я бы с удовольствием, — стушевался парень, — но не знаю ни одной молитвы. Разве что, первый куплет «Отче наш!»

— Читай первый! — велел Горный Хозяин.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

В этот момент старик неожиданно испарился, превратившись в поднимающуюся вверх тонкую струйку дыма.

Облегченно вздохнув, Женька упал на свой мешок и отключился. Дыша чистым воздухом, он проспал довольно долго. Парню снился дождь, настоящий ливень, хлещущий упругими струями в окна домов, прибывающий к асфальту вездесущую угольную пыль, превращающий улицы в озера. Подобно пустой вагонетке, раскатисто гремел гром. Везде были мутные глубокие лужи, а он, Женька, стоял посреди двора и, задрав голову вверх, ловил ртом живительную влагу. По его телу стекали холодные струйки, сырость забиралась буквально под исподнее, уровень воды во дворе поднимался до щиколоток, а ему — хоть бы что — он вдыхал запах озона, пил и никак не мог напиться дождевой водой...

Проснувшись, молодой человек едва разлепил рот. Тот был настолько сухим, что язык прилип к нёбу. Слюна была густой, клейкой и совсем не глоталась. Евгений знал, что без воды человек может выдержать суток пять, и то, если его окружают благоприятные температура и влажность и при этом он не выполняет никакой физической работы. Без еды же можно протянуть и сорок суток. Вот у него, например, чувство голода куда-то улетучилось. Есть не хочется совсем — только пить. И если в самое ближайшее время он не поднимется на-гора, произойдут необратимые изменения внутренних органов, а там — смерть от обезвоживания. Так что надо торопиться.

Женька встал на ноги, надел на спину мешок, примостил кайло стальной дугой — под мышку, рукояткой — вниз и с этим «костылем» продолжил свой путь наверх. «Вперед! Только вперед! Горноспасатели не сдаются! — мотивировал он себя. — Спасение хромающих — дело ног самих хромающих!»

На этот раз он шел дольше обычного — минут двадцать без перерыва. Потом еще столько же после перерыва, и наконец до его слуха донеслись гул шахтного вентилятора, ритмичный лязг металла, собачий лай и какие-то неясные хлопки... «Неужели без воды и еды, передвигаясь на сломанной ноге и задыхаясь от угольной пыли, я все-таки выбрался из подземелья?» — боялся парень поверить своей удаче.

Он миновал сооружение для сброса горной породы... несколько боковых ходов с металлическими дверями... горизонтальную трубу, уходящую в глубь угольного пласта... вертикальную шахту, ведущую на верхний уровень штольни. И тут впереди показался заполненный дневным светом прямоугольник выхода из «преисподней». «С днем рождения, Евгений Сергеевич!» — произнес Рокотов, жадно вдыхая пьянящий воздух свободы.

Тяжело опираясь на «корчагина», чумазый, как трубочист, парень выбрался на «белый свет» через запасной выход, находящийся в нескольких километрах от центрального. У него ныла нога, чесались глаза, кружилась голова, но Женька

осознавал главное: ползя по нейтральной полосе между Жизнью и Смертью, он сумел-таки вытащить себя с опасной заболоченной нейтралки на земную твердь.

Увидев бегущих к нему людей, Евгений на ватных ногах сделал несколько шагов им навстречу. В этот момент он еще не знал, что на прорыв сквозь толщу антрацита у него ушло четверо суток. Что мама, приехавшая в Шахтерск за его телом, попала в местную больницу с инфарктом. Что вскоре после его появления на поверхности в радио- и телеэфире прозвучит сообщение: «По уточненным данным, поступившим из оперативного штаба, двадцатилетний спасатель Кумаринской военизированной горноспасательной службы МЧС Евгений Рокотов, награжденный вчера орденом Мужества (посмертно), выжил. Благодаря силе воли, мужеству и целеустремленности он сумел преодолеть под землей три с половиной километра и самостоятельно выбраться из задымленной шахты. У спасателя — закрытый перелом правой голени, интоксикация и истощение, но угрозы для жизни нет. Это была первая спасательная операция Рокотова, его боевое крещение, которое он прошел с честью. Евгений, как и его погибшие коллеги, рискуя собой, спас жизнь четырнадцати горнякам. Его „воскрешение из мертвых“ является настоящим чудом, поскольку шансов на выживание после взрыва метановоздушной смеси практически нет».

Обо всем этом Женька узнает немного позже, а сейчас, опираясь на кирку и шурясь от яркого света, он стоит на заднем дворе израненной шахты. Стоит на одной ноге так же твердо, как остальные стоят на двух, и благодарно гладит по голове своего оловянного солдата.